

Научная статья
УДК 340.130

**Диалектика частных и публичных интересов
в национальной правовой системе: теоретико-правовой анализ
на примере принудительного лицензирования**

Алексей Павлович Альбов,

Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
aap62@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Аннотация. Исследуются теоретико-правовые аспекты соотношения частных и публичных интересов в правовой системе на примере института принудительного лицензирования. Анализируются исторические истоки данной проблематики в римском праве, где впервые были сформулированы принципы сосуществования публичной и частной сфер. Рассматривается философское осмысление этой дихотомии в гегелевской диалектике, выявляются методологические затруднения при определении публичного интереса в современной юриспруденции. При этом особое внимание уделяется анализу концептуальных подходов к определению пределов государственного вмешательства в частноправовую сферу. Обосновывается необходимость разработки динамической модели пропорциональности и верифицируемых процедур выявления публичного интереса, способных преодолеть теоретические противоречия между защитой частных прав и обеспечением общественного блага.

Ключевые слова: принципы и ценность права, принудительное лицензирование, баланс интересов, публичный интерес, пропорциональность, справедливость, интеллектуальная собственность, ограничение прав, распределение благ, правовое регулирование.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Принудительное лицензирование по мотивам государственного, общественного и иного публичного интереса: правовой и социально-экономический аспект» (5-ГЗ-2023).

Для цитирования: Альбов А.П. Диалектика частных и публичных интересов в национальной правовой системе: теоретико-правовой анализ на примере принудительного лицензирования / Альбов А.П. // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

**Dialectics of private and public interests
in the national legal system: theoretical and legal analysis
on the example of compulsory licensing**

Alexey P. Albov,
Russian State Academy
Intellectual Property, Moscow, Russia
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil and Business Law
aap62@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Abstract. The theoretical and legal aspects of the correlation of private and public interests in the legal system are investigated using the example of the institute of compulsory licensing. The article analyzes the historical origins of this issue in Roman law, where the principles of the coexistence of public and private spheres were formulated for the first time. The philosophical interpretation of this dichotomy in the Hegelian dialectic is considered, and methodological difficulties in determining the public interest in modern jurisprudence are revealed. At the same time, special attention is paid to the analysis of conceptual approaches to determining the limits of state intervention in the private legal sphere. The necessity of developing a dynamic model of proportionality and verifiable procedures for identifying public interest capable of overcoming theoretical contradictions between the protection of private rights and ensuring the public good is substantiated.

Key words: principles and value of law, compulsory licensing, balance of interests, public interest, proportionality, fairness, intellectual property, limitation of rights, distribution of benefits, legal regulation.

Financing: The study was carried out within the framework of the research project "Compulsory licensing based on state, public and other public interests: legal and socio-economic aspects" (5-GZ-2023).

For citation: Albov A.P. Dialectics of private and public interests in the national legal system: theoretical and legal analysis on the example of compulsory licensing // IP: Theory and Practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

В современной социально-экономической обстановке проблема соотношения защиты частных прав и обеспечения публичных интересов приобретает все большее значение. Это противоречие становится особенно острым в период трансформации общественного устройства и правовых парадигм, когда традиционные представления о неприкосновенности частной собственности вступают в сложное взаимодействие с необходимостью обеспечения общественного блага. Именно теория права как базовая фундаментальная дисциплина призвана сформировать доктрину для решения подобных отраслевых вопросов.

Существующий пробел в национальной правовой доктрине, где отсутствует целостная теоретическая модель разрешения подобных противоречий, создает неопределенность для правоприменителей и затрудняет гармоничное развитие правовой системы. Разработка методологии определения справедливого баланса интересов представляется одной из наиболее актуальных задач современной юридической науки.

Данное исследование направлено на разработку теоретико-правовой модели взаимодействия частных и публичных интересов в национальной правовой системе. В рамках работы анализируются основные закономерности их соотношения и предлагаются принципы, обосновывающие допустимость ограничения частных прав в публичных интересах. Исследование также предполагает формирование критериев оценки государственного вмешательства в частноправовую сферу на основе принципа пропорциональности.

Научная гипотеза исследования состоит в предположении, что диалектическое взаимодействие частных и публичных интересов в национальной правовой системе основывается на принципе

пропорциональности, требующем теоретического обоснования критериев допустимого ограничения частных прав. Предполагается, что данный принцип позволяет преодолеть формальное противопоставление частных и публичных интересов через разработку теоретико-правовой модели их сбалансированного сосуществования.

Методы

Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих научных методов. Диалектический метод применяется для анализа взаимодействия частного и публичного интереса, что позволяет выявить внутренние закономерности их взаимосвязи. Формально-юридический метод используется для анализа правовых конструкций и институтов, в которых находит отражение исследуемый конфликт интересов. Аксиологический – позволяет определить иерархию правовых ценностей и их соотношение в контексте защиты разнонаправленных интересов. Структурно-функциональный анализ применяется для выявления функций государственного вмешательства в частноправовую сферу и определения его целевой направленности. Комплексное использование указанных методов обеспечивает всестороннее исследование теоретико-правовой проблематики диалектики частных и публичных интересов.

Основное исследование

Теоретические истоки дихотомии частных и публичных интересов обнаруживаются в римском правовом наследии, где формула Ульпиана *Publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem* не только разграничила две сферы правового регулирования, но и заложила фундаментальный принцип их взаимодействия. Римские юристы создали многоуровневую систему правовых конструкций, обеспечивающих их сосуществование: от *actiones populares*, защищавших публичный интерес через частную инициативу, до института *dominium eminens*, допускавшего

ограничение частной собственности в общественных целях при условии справедливой компенсации [1].

Эта правовая диалектика получила философское осмысление в системе Г.В.Ф. Гегеля, где антиномия частного и публичного преодолевается через диалектическое «снятие» (*Aufhebung*) – государство не подавляет, а интегрирует частные интересы, образуя высшую форму нравственности, в которой объективная свобода государства и субъективная свобода личности образуют органическое единство [2].

Современная теория права требует дальнейшего развития этих идей через разработку динамической модели пропорциональности, преодолевающей как либеральный индивидуализм, абсолютизирующий частный интерес, так и этатистский коллективизм, превращающий публичный интерес в инструмент подавления личности. Необходимо теоретическое обоснование системы гибких критериев легитимности государственного вмешательства, учитывающих как нормативную иерархию ценностей, так и конкретно-исторический контекст их реализации.

Методологические сложности, с которыми сталкивается исследователь при рассмотрении вопроса об определении публичного интереса в философии Гегеля, связаны с диалектикой объективного и субъективного. Ключевое противоречие состоит в том, что публичный интерес – объективная категория, превосходящая механическую сумму частных интересов, но при этом отсутствуют конкретные критерии его идентификации: «Государство действительно, и его действительность состоит в том, что интерес целого реализуется, распадаясь на особенные цели» [3], государство выступает как воплощение разумной всеобщности, однако методологически не разрешает вопрос о способах верификации соответствия государственных решений объективному публичному благу, оставляя открытым вопрос о потенциальном конфликте между декларируемым и действительным публичным интересом.

В современной теории права и государства эта проблема приобретает уже не только теоретический характер, сколько – практический в виде

следующих методологических затруднений: отсутствие верифицируемых процедур выявления публичного интереса; сложность отделения подлинно публичного интереса от корпоративно-бюрократических интересов государственного аппарата; методологическая неопределенность критериев агрегирования разнонаправленных социальных интересов в единый публичный интерес. Эти пробелы требуют разработки интегративной теоретико-правовой концепции, способной установить рациональные процедурные и содержательные критерии определения публичного интереса, отвечающие принципам правового государства и пропорциональности ограничений.

В современной правовой доктрине сформировались три основные концепции пределов государственного вмешательства.

Либертарианская модель исходит из примата индивидуальных прав и концепции «негативной свободы». Ее фундаментальный принцип – презумпция невмешательства в частную сферу, при которой публичный интерес признается лишь производным от частного. Опираясь на философию Ф.А. фон Хайека и Р. Нозика, эта модель устанавливает, что государственное регулирование допустимо исключительно в случаях явной угрозы правам третьих лиц. Таким образом, либертарианский подход стремится к максимальной минимизации государственного вмешательства, последовательно отстаивая приоритет частных интересов над публичными [4; 5; 6].

Утилитарная модель, разработанная И. Бентамом и Д.С. Миллем, представляет собой прагматичный инструментальный подход к оценке правовых решений: легитимность государственного вмешательства определяется через количественный анализ совокупной общественной полезности; ограничения допустимы, когда общественные выгоды превышают издержки. Полезность утилитарной модели заключается в ее рациональном, математически обоснованном подходе к принятию решений, что позволяет проводить cost-benefit анализ нормативных актов, обеспечивая

прозрачные критерии оценки эффективности законодательства. Очевидно, что применение утилитарной методологии может способствовать развитию экономического анализа права и созданию таких регуляторных инструментов, которые будут максимизировать общественное благосостояние. При этом важно учитывать, что потенциальным недостатком чистого утилитаризма может стать недостаточная защита прав меньшинств ради блага большинства [7].

Социальная модель, разработанная Дж. Роулзом и Р. Дворкином, стремится к оптимальному балансу между индивидуальными правами и общественным благом. Она основывается на концепции справедливости как честности, где общественный договор заключается за «завесой неведения», когда участники не знают своего положения в будущем обществе. В отличие от утилитаризма, эта модель защищает права меньшинств, а в отличие от либертарианства, признает необходимость государственного регулирования для обеспечения справедливого распределения ресурсов. Социальная модель допускает ограничение частных прав, но с соблюдением принципа приоритета основных свобод. Ключевым критерий оценки справедливости – положение наименее обеспеченных членов общества. Государственное вмешательство легитимно, тогда и только тогда, когда оно направлено не только на защиту от причинения вреда, но и на создание условий для подлинного равенства возможностей, при согласовании индивидуальной свободы и требований общественной солидарности [8; 9].

Коммуникативная теория Ю. Хабермаса предлагает дискурсивный механизм легитимации, где пределы вмешательства определяются в процессе рационального общественного диалога. Хабермас фокусируется не на калькуляции полезности или защите априорных прав, а на качестве демократического процесса формирования решений. Практическое применение этой теории воплощается в концепции «рефлексивного права», где нормы возникают в процессе структурированной коммуникации между

различными социальными группами. В правоприменении этот дискурс обосновывает важность публичного обсуждения [10].

В рамках настоящего исследования практическая ценность этих концепций состоит в возможности формировании методологического инструментария для оценки государственного регулирования. Оценка легитимности ограничений частных прав опирается на систему взаимосвязанных критериев.

Если рассматривать право как воплощение идеи свободы и понимать его через концепцию «снятия» (*Aufhebung*) противоречий между частным и общим, то на этом основании в современной юриспруденции можно выделить систему рациональных критериев: первый – легальность, требующая формального закрепления ограничений в законе, что соответствует римскому принципу *Libertas est potestas faciendi id quod jure licet*; второй – наличие легитимной цели, соответствующей общепризнанным публичным интересам, что отражает гегелевское понимание государства как воплощения нравственной идеи; третий – необходимость ограничения в демократическом обществе в соответствии с социальными потребностями, прямо вытекающее из диалектического соотношения общего и частного, зафиксированная еще в римской конструкции Цицероном – *Salus populi suprema lex esto*; четвертый – пропорциональность ограничения преследуемой цели, что логически завершает процесс диалектического синтеза частного и публичного интересов в конкретно-исторических условиях – *Jus est ars boni et aequi* (Цельс).

В судебной практике эти критерии образуют последовательный тест, позволяющий дифференцировать правомерные ограничения от неконституционного вмешательства.

Принцип пропорциональности, восходящий к римской доктрине *Moderamen inculpatae tutelae*, представляет собой многоуровневый механизм оценки государственного вмешательства, первоначально он применялся в контексте самообороны и требовавший, чтобы защита была соразмерна нападению, со временем эволюционировал в универсальное требование

соразмерности любого правового ограничения. В римском праве он отражал фундаментальное понимание того, что даже легитимная цель не может оправдывать чрезмерные меры, а средства должны соответствовать преследуемым целям по своей интенсивности и объему вмешательства.

Этот принцип можно разложить на триаду:

- 1) пригодность (способность избранной меры достигать легитимной цели);
- 2) необходимость (отсутствие менее ограничительных альтернатив);
- 3) соразмерность в узком смысле (баланс между преимуществами для публичного интереса и тяжестью ограничений частных прав).

Ценность этого принципа состоит в том, что он позволяет перевести абстрактный конфликт интересов в плоскость рациональной юридической аргументации, обеспечивая структурированный подход к решению сложных коллизий публичного и частного в правовой сфере, т.е. в государстве справедливость достигается, когда необходимое ограничение частного интереса возвышает его до подлинно всеобщего, преодолевая, таким образом, их мнимое противоречие в разумном синтезе.

Современная теоретическая модель должна исходить из того, что право собственности не является самоцелью, а служит средством реализации личности в социуме, что порождает двойственность его природы: с одной стороны, собственность обеспечивает автономию личности; с другой – создает асимметрию доступа к ресурсам, требующую корректировки. Отсюда вытекает теоретическое обоснование возможности налогообложения, сервитутов, изъятия для общественных нужд и иных форм ограничения права собственности. Таким образом, принудительное лицензирование можно рассматривать как прямое проявление баланса между индивидуальными правами собственности и общественной пользой, где государство выступает механизмом корректировки рыночного распределения прав в ситуациях, когда абсолютизация частных прав создает критические препятствия для реализации общественных интересов.

Теоретическое обоснование справедливого распределения благ в национальной правовой системе базируется на синтезе формального и материального понимания справедливости.

Формальная справедливость требует равного применения права к равным случаям, что выражается в принципе равенства перед законом. Еще в римском праве существовал принцип *Salus populi suprema lex esto*, который обосновывал возможность ограничения частных прав ради общественного блага. Аристотель также различал два вида справедливости: распределительную (distributive) и уравнивающую (corrective) [11]. Принудительное лицензирование можно рассматривать как механизм распределительной справедливости, направленный на более справедливое распределение доступа к интеллектуальным благам.

Материальная справедливость ориентирует на достижение определенного результата распределения, учитывая исходное неравенство возможностей. Современная теория права обосновывает необходимость сочетания процедурной справедливости (честность правил игры) и распределительной справедливости (корректировка результатов).

В национальной правовой системе это находит выражение в дифференциации правового регулирования, позитивной дискриминации, прогрессивном налогообложении. Принципиально важно, что эти механизмы должны рассматриваться не как изъятие из принципа формального равенства, а как его диалектическое развитие в конкретно-исторических условиях, обеспечивающее переход от декларативного к фактическому равенству возможностей.

Институт принудительного лицензирования представляет собой классический пример теоретико-правового механизма балансирования частных и публичных интересов. В его основе лежит концептуальное противоречие между исключительным правом патентообладателя на результат интеллектуальной деятельности и общественной потребностью в доступе к социально значимым технологиям.

Теоретическая модель этого института строится на признании того, что исключительное право не является абсолютным, а имеет имманентные социальные ограничения. При этом правовая конструкция принудительного лицензирования воплощает несколько ключевых теоретико-правовых принципов:

- 1) признание легитимности ограничения частного интереса в исключительных случаях;
- 2) сохранение экономической основы права интеллектуальной собственности через механизм справедливой компенсации;
- 3) процедурные гарантии, предотвращающие произвольное применение данного механизма.

Такое сочетание элементов делает принудительное лицензирование наглядной иллюстрацией теории «внутренних ограничений» права собственности, согласно которой монополия патентообладателя изначально содержит в себе предпосылки для социального контроля.

Принудительное лицензирование воплощает классическую структуру принципа пропорциональности, последовательно реализуя все его элементы. Критерий пригодности проявляется в том, что данный механизм непосредственно обеспечивает доступ к запатентованной технологии, устраняя патентную блокаду.

Критерий необходимости отражается в предварительном требовании исчерпать возможности добровольного лицензирования, прежде чем прибегать к принудительным мерам. Наконец, критерий соразмерности в узком смысле выражается в балансировании между общественной выгодой от расширения доступа к технологии и экономическими потерями патентообладателя. Этот баланс обеспечивается через механизм справедливого вознаграждения, рассчитываемого на основе рыночных параметров.

Ключевая теоретическая проблема принудительного лицензирования заключается в определении содержания «публичного интереса»,

оправдывающего вмешательство в исключительное право. Международное право и национальные законодательства используют различные формулировки: «чрезвычайные обстоятельства», «здравоохранение», «национальная безопасность» – однако критерии их установления остаются дискуссионными.

Возникает теоретический вопрос о субъекте квалификации: должен ли публичный интерес определяться законодательно, административно или судебным решением? Проблематичен и вопрос о соотношении количественных и качественных параметров: является ли публичным интересом обеспечение доступа к технологии для максимально широкого круга лиц или защита фундаментальных прав ограниченной группы? Отдельную теоретическую проблему составляет темпоральное измерение публичного интереса: краткосрочный интерес в расширении доступа к существующим технологиям может противоречить долгосрочному интересу в стимулировании инноваций. Эти вопросы наглядно демонстрируют, что публичный интерес – не статичная категория, а динамичная конструкция, требующая контекстуального анализа в каждом конкретном случае и процедурных механизмов легитимации принимаемых решений.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что диалектика частных и публичных интересов представляет собой фундаментальное противоречие, пронизывающее всю правовую систему. Исторический анализ показал эволюцию теоретических подходов от абсолютизации частного интереса в классических либеральных доктринах к признанию необходимости их сбалансированного взаимодействия в современной теории права. Принципиально важным результатом исследования стало выявление неправомерности противопоставления частных и публичных интересов как антагонистических категорий. Более продуктивным представляется их понимание как взаимодополняющих элементов единой социально-правовой

системы, где публичный интерес включает защиту частных прав в качестве своего необходимого компонента, а реализация частного интереса невозможна без стабильной системы публичного порядка.

В результате исследования можно сформулировать следующие теоретические принципы соотношения частных и публичных интересов: принцип презумпции приоритета частного интереса, который может быть опровергнут только при наличии весомых обоснований публичной необходимости; принцип минимального необходимого вмешательства, требующий выбора наименее ограничительных средств достижения легитимных публичных целей; принцип справедливой компенсации при ограничении частных прав в публичных интересах; принцип процедурной справедливости при определении баланса интересов; принцип динамического равновесия, предполагающий контекстуальный подход к определению оптимального соотношения интересов в конкретных исторических условиях.

Разработанная теоретическая модель легитимации государственного вмешательства представляет собой многоуровневую структуру, включающую нормативный, процедурный и содержательный компоненты:

- нормативный компонент требует законодательного закрепления оснований и пределов вмешательства;
 - процедурный компонент предполагает соблюдение установленного порядка принятия решений, обеспечивающего учет различных интересов;
 - содержательный компонент включает оценку соответствия вмешательства критериям пропорциональности: наличие легитимной цели, пригодность избранных средств, их необходимость и соразмерность.
- Предложенная модель преодолевает ограниченность как формально-позитивистского подхода, сводящего легитимность к соблюдению процедуры, так и естественно-правового подхода, апеллирующего к абстрактным ценностям, создавая операциональный механизм практической оценки легитимности.

Особую актуальность приобретает разработка теоретических моделей, обеспечивающих баланс интересов в условиях глобальных вызовов, требующих координации усилий как на национальном, так и на международном уровне.

Список источников

1. Кашаев К.А. Соотношение частных и публичных интересов в цивилистическом правовом регулировании: баланс или солидарность? / К.А. Кашаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 8. – С. 126–131.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права [Пер. с нем.] / АН СССР, Ин-т философии / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия истории / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. – 468 с.
4. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера, под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева / Р. Нозик. – Москва: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
5. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству; пер. с англ. / Ф.А. фон Хайек. – Москва: Либеральная миссия: Новое изд-во, 2005. – 264 с.
6. Хайек Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма; пер. с англ. под. ред. У.У. Бартли / Ф.А. фон Хайек. – Москва: Новости, 1992. – 302 с.
7. Дмитриев А.В. Теория общего блага и утилитаризм в истории учений о праве и государстве // Вестник Гуманитарного университета / А.В. Дмитриев. – 2023. – № 3 (42). – С. 99–108.
8. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 534 с.
9. Макеева Л.Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин // История философии / Л.Б. Макеева. – 2005. – № 12. – С. 45–62.
10. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика; пер. с нем. Т. Атнашева / Ю. Хабермас. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с.
11. Аристотель. Никомахова этика. – Москва: Азбука. – 2022. – 448 с.

References

1. Kashaev K.A. Correlation of private and public interests in civil legal regulation: balance or solidarity? *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2023. Vol. 16. No. 8. Pp. 126–131 (in Russ.).
2. Hegel G.V.F. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: Mysl Publ., 1990. 524 p. (in Russ.).
3. Hegel G.V.F. *Filosofiya istorii = Philosophy of history*. Moscow: State Social and Economic Publishing House, 1935, 468 p. (in Russ.).
4. Nozik, R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya = Anarchy, the state and utopia* / Translated from English by B. Pinsker, edited by Yu. Kuznetsov and A. Kuryaev. Moscow: IRISEN Publ., 2008. 424 p. (in Russ.).
5. Hayek F.A. background. *Doroga k rabstvu = The Road to Slavery* / Translated from English – Moscow: Liberal Mission: New publishing house, 2005. 264 p. (in Russ.).
6. Hayek F.A. *Pagubnaya samonadeyannost': oshibki sotsializma = Pernicious arrogance: The Mistakes of Socialism* / Translated from English under the editorship of W.W. Bartley. Moscow: Novosti Publ., 1992. 302 p. (in Russ.).
7. Dmitriev A.V. Theory of the common good and utilitarianism in the history of the teachings of law and the state. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the University of Humanities*. 2023. No. 3 (42). Pp. 99–108 (in Russ.).
8. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti = The theory of justice*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University, 1995. 534 p. (in Russ.).
9. Makeeva L.B. Philosophy of egalitarian liberalism in the USA: John Rawls and Ronald Dworkin. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*. 2005. No. 12. Pp. 45–62 (in Russ.).
10. Habermas Yu. *Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery i deliberativnaya politika = A new structural transformation of the public sphere and deliberative policy* / translated from German by T. Atnashev. Moscow: New Literary Review, 2023. 104 p. (in Russ.).
11. Aristotle. *Nikomakhova etika = Nicomachean ethics*. Moscow: ABC Publ. 2022. 448 p. (in Russ.).

Статья поступила 11.08.2025, принята к публикации: 19.08.2025.

© Альбов А.П., 2025